

показывает, как царь выступает на войну во главе своего войска, разделенного на полки, которые, однако, не пребывают постоянно при особе царя, а расквартированы в различных областях его царства, по которым они и перечисляются: «войны Амхары, Шоа, воины Годжама и Дамота, готовые к войне» [24, с. 31].

Отношения царя с воинами также уже далеки от дружинных. Когда царь спрашивает у них совета, те не смеют прямо и просто высказать свое мнение, и Амда Сиону приходится уговаривать их: «Истину говорю вам, скажите, что лучше и полезнее и для вас правильнее. Если хотите, пойдем и вернемся в наш город сегодня, вернемся или утром, либо вечером, либо днем, либо ночью, пойдем в какое время хотите и в какое вам угодно. Иногда царь идет по совету вельмож, а иногда вельможи — по совету царя; всякое дело без совета — безумие» [24, с. 43]: Тем не менее царь лукавил. Когда его воины высказались за возвращение из похода, он не посчитался с их мнением и резко прекратил дискуссию, которую сам и вызвал: «Возвешу вам, что тот, кто возвращается туда, где ходит по полям — скот. Я же говорю: „Мы пройдем в страну Адаля, именуемую Тальга, и убьем неверных, которые уцелели, и вернемся в наш город по другой дороге"» [24, с. 44—45].

В дофеодальной державе при господстве дружинных отношений столь настойчивый государь, «не считающийся с мнением дружины, рисковал оказаться в одиночестве, подобно древнерусскому князю Владимиру Мстиславовичу: «И рекоша к нему дружина его: „о себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе"» (цит. то [28, с. 147]). У царя же Амда Сиона были явно иные взаимоотношения с войском, потому что его единоличное решение не только не встретило такого коллективного отказа, но «ответило войско: „да будет, как ты сказал"» [24, с. 45]. Впрочем, дружинные отношения сменялись вассальными очень нескоро, и во времена Амда Сиона еще «е были изжиты окончательно. Отправляясь «а войну, «выдал царь из своей сокровищницы золото, серебро и дорогие одежды, восхищающие очи, и украсил ими своих воинов от велика до мала, ибо во дни его золота и серебра было, как камня, а тонких одежаний, как листьев и травы. Украсив их, он послал их на войну воевать» [24, с. 19].

«Золото, серебро и дорогие одежды», безусловно, не являются жалованьем и вознаграждением за службу, и раздаются царем не после успешного похода как дележ добычи, а до него. Это традиционные дары, которыми издавна одаривали дружину. Можно предположить, конечно, что «украшая» своих воинов Амда Сион рассуждал подобно киевскому князю Владимиру Святославичу: «Серебром и златом не имам налезти дружины, а дружиною налезу серебро и злато, яко же дед мои и отец доискася дружиною злата и серебра» (цит. по [28, с. 32]). Подобная психология вполне характерна для раннего феодализма². Можно, однако, предположить здесь и другое: расселив свои многочисленные полки по областям и утратив тем самым ту тесную связь с ними, которая существовала между господином и дружиной, царь перед походом желал возобновить ее традиционными дружинными пирами и дарами.